

© 2012 г.

М.В. МАЙОРОВ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ

С момента, когда Россия стала осознавать себя полноценным членом мирового сообщества, она столкнулась с тем, что ее прошлое либо недостаточно хорошо знали и понимали, либо намеренно представляли в искаженном виде. По мере возрастания роли России в европейских и международных делах негативная трактовка российской истории превращалась на Западе в политическое оружие, призванное, с одной стороны, представить те или иные шаги России на международной арене как результат ее “варварского” происхождения, а с другой – обосновать собственную антироссийскую политику как противодействие “темной и агрессивной силе”. К сожалению, подобные проявления “исторической политики” в отношении России никуда не делись с исчезновением “советской угрозы”; они продолжают занимать видное место в арсенале западной дипломатии и отрицательно сказываться на взаимоотношениях бывших противников в “холодной войне”. Одним из самых показательных примеров такого подхода стал кавказский кризис в августе 2008 г., когда речи многих западных политических деятелей изобиловали обвинениями России в том, что она якобы упорствует в своем агрессивном поведении, будучи не в силах побороть “ностальгию по XIX в.”

Однако в данном случае нас интересует вопрос: как историческое прошлое воздействует на внешнюю политику самой России, тем более что, как и в каждой стране, история и опыт прошлого, их восприятие политическими кругами определяли и определяют характер ее поведения во внешнем мире. В отличие от подавляющего числа государств для России свойственны весьма сложные отношения с собственной историей. Зигзаги исторической идентичности нередко приводили то к всплескам крайних проявлений великодержавия, то к уничительному самобичеванию, отрицавшему наличие у России подобающего прошлого. Такие шараханья в “поисках себя” никогда не проходили для России бесследно, подчас заводя страну в тупик, выход из которого не обходился без серьезных потрясений. И наоборот – умелое сочетание разумного взгляда на прошлое и насущных потребностей не раз способствовало решению стоящих перед Россией задач.

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ: МЕЖДУ РЕАЛЬНЫМИ ПОТРЕБНОСТЯМИ И ИСКУШЕНИЯМИ ПРОШЛОГО

Допетровская Россия строила свою внешнюю политику на региональном уровне (главным образом в отношении Польши, Швеции, Турции) и связи с такими странами, как Англия или Голландия, ограничивала лишь торговыми интересами. Показательно, что в Вестфальском мирном договоре 1648 г., надолго определившим политическую карту Европы, великий князь Московский упоминался в списке европейских монар-

Майоров Михаил Владимирович (1948–2011) – Чрезвычайный и Полномочный посол. Статья получена редакцией незадолго до кончины автора.

хов на предпоследнем месте (после него фигурировал только князь Трансильвании). Московские послы, редко появлявшиеся при европейских дворах, вызывали недоумение своими требованиями оказывать московскому государю почести как самому великому монарху в мире и выдвиганием немыслимых идей о войне европейских королей против их самых близких союзников и о дружбе с опасными противниками. Историческая подоплека и мотивы европейской политики не были известны московским дипломатам; по знаниям и опыту они значительно отставали от дипломатов ведущих европейских стран. Во Франции, например, во времена Петра I уже существовала дипломатическая академия, где преподавалось международное право. В трудах английского философа XVII в. Т. Гоббса появилась теория международных отношений, оперировавшая фактами европейской истории.

В этой связи трудно переоценить значение осуществленного в 1697–1698 гг. русского Великого посольства в Западную Европу. Находившийся в его составе Петр I ставил на своих письмах во время путешествия сургучную печать с надписью: “Я ученик и ищу себе учителей”¹. Он оказался весьма одаренным учеником. С 1699 г. в России начали печататься книги светского содержания, включая труды по истории. В том же году Петр I учредил первое постоянное русское представительство за границей в Гааге, игравшей в то время роль дипломатической столицы в Европе. Как и вся преобразовательная деятельность Петра I, его отношение к дипломатической службе в России носило принудительный характер: фактически заново был сформирован аппарат службы, дипломатам предписывалось в кратчайшие сроки преодолеть отставание в методах и приемах дипломатической деятельности, ставя на первое место не протокольные тонкости, а необходимость постоянной и подробной информации о положении в Европе. При Петре I российскими дипломатами была начата работа по “сочинению исторических выписок”, т.е. созданию полноценного архива, включая “дела прошлых лет”, в целях его использования при принятии политических решений. Петровская дипломатия быстро освоила искусство игры на противоречиях между европейскими державами, что имело немаловажное значение для победы России над Швецией и подписания Ништадтского мира 1721 г., который обеспечил ей превосходство над соседними северными государствами и вовлек Россию в непосредственный контакт с остальной Европой. Европейским же “учителям”, не ожидавшим столь стремительного пробуждения России, оставалось лишь включить ее в состав “концерта” европейских держав.

Продолжатель дела Петра I – императрица Екатерина II – пошла дальше, подведя под российскую внешнюю политику и национальную историческую основу. Она отошла от взгляда на Россию как на страну, невоздланную историей, и убедила себя и окружающих, что у России есть свое прошлое, с которым надобно считаться. Будучи иностранкой, но обладая политическим талантом и чутьем, а также обостренным чувством властолюбия, Екатерина твердо усвоила, что укреплению ее могущества и росту международного авторитета будет способствовать проведение активной внешней политики с упором на интересы России. Она жадно и до конца жизни интересовалась российской историей, широко используя всевозможные источники, и всемерно пропагандировала тезис о том, что Россией стоит гордиться. Она стремилась обосновать историческими ссылками законность территориальных приобретений России: “Ливония или Лифляндия вся истари к Руси принадлежала”; что же касается Литвы, Украины, Белоруссии, то они – “русские земли или (как Литва) населенные русскими, и встарь там дела вершили на русском языке”². Проводя “политику результатов”, она добилась значительного расширения пределов русского государства, представляя новые территории в виде своего “приданого” русскому народу. Не затронув основ существовавшего порядка, Екатерина по существу открыла глаза российскому обществу на самого себя и впервые дала ему ощущение подлинной международной силы.

¹ Молчанов Н.Н. Дипломатия Петра Первого. М., 1984, с. 68.

² Академик Е.В.Тарле. Екатерина Вторая и ее дипломатия. Стенограмма лекции, читанной 7 мая 1945 года, в 2-х ч., ч. I. М., 1945, с. 19–20.

В отличие от своей матери император Павел I не обладал развитым политическим сознанием и необходимым для правителя России гражданским чувством. В силу своего замкнутого воспитания и отвращения к наукам Павел не знал России и имел слабое представление о ее заботах. Главное, что его интересовало – это вопросы престолонаследия и наведение в России “государственного порядка”, что выразилось в усилении роли бюрократического аппарата и расширении крепостного права. Критически относясь к внешней политике Екатерины II, Павел I предпринял коренную ломку государственной политической системы России, нуждавшейся, по его убеждению, в “отдохновении”, мотивируя свои действия задачей превратить ее из “соображенной на основании территориальных приобретений в отдаленную совершенно от всякого желания завоевания”. После Французской революции 1789 г. основную цель внешней политики России Павел видел в защите принципов легитимизма, иными словами, в сохранении существовавших в Европе монархических режимов. Главное средство противодействия распространению французских идей Павел, мистик по характеру, усматривал в укреплении в России и во всей Европе рыцарского духа. Он взял под свое покровительство мальтийских рыцарей, приняв на себя в 1798 г. титул Великого магистра Мальтийского ордена³. После переворота во Франции 18 октября (18 брюмера) 1799 г., расцененного Павлом как шаг к восстановлению французской монархии, российский император не скрывал своего доброго отношения к Наполеону и взял курс на обеспокоившее политические круги в России русско-французское сближение. Лишенная во многом национальных начал, внешняя политика Павла I была столь непопулярной в России, что, по сути дела, явилась одной из причин дворцового переворота в 1801 г.

Наученный “горьким опытом” отца, вступивший на престол Александр I в первые годы правления определил главные внешнеполитические задачи России, схожие со сложившимися еще в конце XVIII в.: сохранение и укрепление позиций в Прибалтике, на Черноморском побережье и на Балканах, обеспечение безопасности западных и южных границ. Показав себя достаточно искушенным политиком, Александр I провозгласил, что основой внешнеполитического курса России являются преемственность политики, легитимизм и примат национально-государственных интересов. Вместе с тем, воспитанный в атмосфере двойственности и противоречий, приученный лавировать между бабушкой Екатериной II и отцом Павлом I, Александр перенес и на внешнюю политику привычку “жить на два ума”. Столкнувшись в России с трудностями в реализации задуманной программы преобразований, Александр I постепенно переключил основное внимание на устройство политического порядка в Европе, тем более что действия Наполеона несли в себе угрозу нарушения европейского равновесия. Победа в Отечественной войне 1812 года значительно повысила авторитет России и ее дипломатии в европейских делах, дала Александру I возможность ненадолго почувствовать себя вершителем судеб Европы. Однако “европейской мечте” российского императора не суждено было сбыться: никто из бывших союзников не собирался отказываться от своих исторических пристрастий и уступать “варварской” России пальму первенства. Созданный в 1815 г. во многом благодаря Александру I Священный союз оказался лишь временным пристанищем совпавших интересов великих держав.

При рассмотрении вопроса о внешней политике России в эпоху Александра I важно, на наш взгляд, иметь в виду одно обстоятельство. Получивший прекрасное образование, Александр с юных лет был знаком с произведениями античных классиков – Демосфена, Плутарха, Тацита, английских и французских историков и философов – Дж. Локка, Э. Гиббона, Г. Мабли, Ж.-Ж. Руссо. Он свободно ориентировался в идеях французских просветителей, понятиях о “естественном равенстве” людей, политических и гражданских свободах, разных формах правления и законах. Вот только российские проблемы он знал далеко не лучшим образом. Наставники Александра тщательно оберегали его от размышлений о непростой судьбе и истории России, признавали российскую действи-

³ Очерки истории Министерства иностранных дел России. 1802–2002, т. 1–3. М., 2002. Т. 1860–1917 гг., с. 214, 216.

тельность, по мнению В.О. Ключевского, “как факт низшего порядка, как неразумное стихийное явление, признавали и игнорировали ее, т.е. ничего больше о ней знать не хотели”⁴. Умелый политик и дипломат за пределами России, Александр I так и не сумел акклиматизироваться на русской земле, не смог избавиться от привитого ему взгляда на Россию свысока. В ходе борьбы с Наполеоном великодушный победитель Александр I предпринял в 1813–1814 гг. изматывающие освободительные походы в Европу, несмотря на сопротивление российского министра иностранных дел Н.П. Румянцева, считавшего, что по причине разорения страны и больших потерь в армии войну надо было завершить на русской границе. После битвы при Ватерлоо просвещенный европеец Александр I передал населению городка 2 млн. фр., не проявив подобной щедрости к крестьянам села Бородино. В царском манифесте по случаю окончания войны говорилось: “Крестьяне, верный наш народ, да получают мзду от Бога”⁵. Россия – не Европа, мужик все перетерпит.

При всем разбросе оценок и суждений относительно движения декабристов в 1825 г. трудно не согласиться с мнением тех исследователей, кто считает, что среди его побудительных мотивов наиболее сильным явилось острое неприятие сложившихся в России порядков со стороны активной части российского общества – молодого образованного офицерства. Война с Наполеоном рассеяла его иллюзии по поводу французской мысли, а сравнение увиденного в Европе в ходе заграничных походов с мрачной российской действительностью, наоборот, привело к росту национального самосознания в его среде. Один из известных декабристов В.К. Кюхельбекер на допросе верховной следственной комиссии признавался, что главной причиной, заставившей его принять участие в тайном обществе, стала “скорбь души” от того, что в России были подавлены и угнетены “блестательные качества, которыми Бог одарил русский народ, единственный на свете по славе и могуществу, по сильному и мощному языку, которому нет подобного в Европе”⁶. События 14 декабря 1825 г. на Сенатской площади трагически сказались не только на судьбе заговорщиков и их близкого окружения – они, сильно напугав царский режим, закрепили застойные явления в развитии России и усилили консерватизм в ее внешней политике.

Оказавшийся в силу обстоятельств на вершине власти Николай I, неоднократно признававшийся в отсутствии у него подходящего образования, главной целью своего правления считал всемерное укрепление позиций самодержавия как внутри России, так и за ее пределами. Потеряв после движения декабристов веру в преданность российского дворянства, Николай I сделал ставку на иноземцев, которые заняли ключевые посты в управлении державой. Недаром ему приписывают ставшее знаменитым выражение: “Российские дворяне служат России, немецкие – мне”. По некоторым сведениям, в начале его царствования дипломаты нерусского происхождения составляли 68% дипломатического корпуса, а к концу правления – уже 81%⁷. В большинстве своем иноземцы усердно служили интересам российской дипломатии, но не знали и не хотели знать историю и традиции России, не сочувствовали русскому образу жизни. Глава российского внешнеполитического ведомства К.В. Нессельроде говорил своим подчиненным: “Мы знаем только одного царя, нам дела нет до России”⁸. Российская дипломатия эпохи Николая I, подыгрывая его самоуверенности и подстраивая под его взгляды оценку тогдашней международной политики, сыграла немалую роль в принятии царем внешнеполитических решений, нанесших удар по позициям России.

Во многом в силу своего невежества Николай I имел ложное представление о путях развития России. В то время как в большинстве западных государств политический

⁴ Ключевский В.О. Сочинения, в 9-ти т. Т. 5. Курс русской истории, ч. 5. М., 1989, с. 190.

⁵ Геополитические факторы во внешней политике России: вторая половина XVI – начало XX века: к столетию академика А.Л. Нарочницкого. М., 2007, с. 172.

⁶ Ключевский В.О. Указ. соч., с. 228.

⁷ Очерки истории Министерства..., с. 306.

⁸ Канцлер А.М. Горчаков. 200 лет со дня рождения. М., 1998, с. 385.

строй приспособлялся к складывавшимся реалиям, в России происходило укрепление крайних форм самодержавия. В начале 30-х годов XIX в. появилась известная идеологическая триада, связанная с именем николаевского министра народного просвещения С.С. Уварова – православие, самодержавие, народность. Вся официальная пропаганда была нацелена на то, чтобы внушить крайне набожному русскому народу мысль о нерасторжимости единства православия с самодержавием, а того и другого – с Россией. В 1837 г. увидела свет оставшаяся неопубликованной работа основателя истории российской государственности Н.М. Карамзина “О древней и новой России”, в которой утверждалось, что самодержавие дано России свыше и сделалось “для всех россиян земным Богом”, что на всем протяжении своего развития именно самодержавию Россия была “обязана спасением и величием”⁹. В условиях подъема национализма в Европе и укрепления самосознания народов народность должна была служить оправданием линии на внедрение казенного патриотизма и создание безнационального государства, управляемого единственно волею избранного Богом самодержца.

Нарастание революционных выступлений в Европе рассматривалось Николаем I прямой угрозой самодержавию в России. Уверовав в незыблемость распространившегося после победы над Наполеоном влияния России, царь взял на себя роль спасителя Европы, представляя борьбу с революциями на континенте в качестве борьбы за реальные интересы России как европейской державы. Наиболее наглядно консервативно-легитимистский характер его политики проявился в результате революции 1848 г. во Франции и последовавших за ней революционных событий в германских государствах и Австрии, когда Николай I даже обратился с призывом ко всем русским защитить “неприкосновенность пределов Империи”, выступить “за веру, царя и отечество”¹⁰. В интересах “самосохранения” и по просьбе австрийского правительства русская армия сыграла решающую роль в подавлении венгерской революции и спасении империи Габсбургов. Одновременно царский режим попытался полностью задействовать принцип монархической солидарности, решив усилить русское влияние в балкано-ближневосточном регионе и изменить к выгоде России всю систему соглашений относительно Османской империи. Крымская война 1853–1856 гг. явилась результатом грубого политического просчета Николая I, который оказался нерадивым учеником истории и в противоборстве с Турцией “неожиданно” столкнулся с грозной коалицией во главе с Англией и Францией, стремившихся не допустить упрочения позиций России на Востоке и лишить ее возросших возможностей влиять на европейскую политику. Поражение в войне нанесло тяжелый удар по России, по представлениям правящих кругов о некоем особом ее пути, подтвердив на деле экономическую отсталость страны и недоразвитость политической системы.

Первая в России попытка “перестройки” тесно связана с именем Александра II, который после Екатерины II оказался единственным российским императором, считавшим в юношеские годы историю своим любимым предметом. Его наставник – крупнейший русский поэт и просветитель В.А. Жуковский – говорил, что “сокровищница просвещения царского есть история, наставляющая опытами прошедшего или объясняющая настоящее и предсказывающая будущее” и что “история из всех наук самая важная, важнее философии, ибо в ней заложена лучшая философия, то есть практическая, следовательно, полезная”¹¹. Понимая историческую необходимость преобразований в России, Александр II не стал дожидаться раскатов революции и сам, своей волей приступил к радикальному изменению облика государства. Ключевым событием его царствования стала крестьянская реформа, вызвавшая переустройство всего государственного организма – в экономической, финансовой, административной, судебно-правовой, военной и других областях. Вместе с тем, несмотря на свою убежденность

⁹ Карамзин Н.М. История государства российского. Репринтное воспроизведение издания 1842–1844 гг. в трех книгах с приложением, кн. 3. М., 1989, с. XXXVII–XLVII.

¹⁰ Очерки истории Министерства..., с. 340.

¹¹ Российские самодержцы (1801–1917), 2-е изд. М., 1994, с. 165.

в том, что система монархического управления не может оставаться неизменной, он не пошел на конституционную реформу, отдав предпочтение многовековым традициям и унаследованному укладу жизни. Непоследовательность в проведении внутренней и внешней политики сопровождала Александра II вплоть до его гибели в 1881 г.

С воцарением Александра II российская внешнеполитическая программа также подверглась существенному пересмотру. Главой министерства иностранных дел стал А.М. Горчаков, который был не в фаворе у прежнего руководства министерства. В известном циркуляре в августе 1856 г. Горчаков извещал правительства европейских держав, что политика нового государя будет иметь “национальный характер” и что, “ставя интересы своих народов на первое место”, Россия не будет нарушать интересы других. В циркуляре подчеркивалось, что установленная Священным союзом система отношений в Европе “не существует уже в своей прежней целостности” и что Россия вправе сосредоточиться на “развитии внутренних ресурсов страны”¹². Отличительной чертой деятельности Горчакова было то, что он рассматривал себя звеном между прошедшим и будущим, считал необходимым воспринять все лучшее, что было в российской истории, и идти дальше. А.М. Горчаков писал в 1867 г. российскому послу в Константинополе Н.П. Игнатьеву: “История – великая школа, богатая поучениями, но для того, чтобы эти поучения не были простым усилием памяти, нужно применять их к обстоятельствам, в которых находишься, и помнить извлекаемые из них уроки”¹³. Горчаков стал первым российским министром, обратившим внимание на необходимость систематизации и последующего изучения дипломатических документов прошлого. Начали разбираться архивы, относившиеся к истории внешней политики и государственного строительства, открылся постоянный доступ к ним для исследователей. В 1861 г. Горчаков инициировал выпуск первого ежегодника о деятельности министерства; в том же году приступили к изданию “Собрания трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами”.

Почти 20 лет российская дипломатия, возглавляемая Горчаковым, достаточно успешно решала задачи по укреплению международных позиций России, прежде всего путем упразднения значительной части унижительных для России условий Парижского мира 1856 г. Наиболее ярким проявлением этого стала отмена угрожавшей безопасности страны “нейтрализации” Черного моря. Однако нерешительный и подверженный влиянию Александр II не сумел уберечь Россию от новых внешних потрясений. Еще в конце 60-х годов XIX в., руководствуясь династическими пристрастиями, он поддержал курс канцлера О. Бисмарка на объединение Германии вокруг Пруссии, допустив таким образом создание на границе России агрессивной Германской империи. Он не прислушался к мнению Горчакова, который не только считал объединение Германии невыгодным для России, но и полагал, что решительное противодействие ему русской дипломатии могло бы сыграть огромную роль¹⁴. Горчаков выступал и против вступления России в войну с Турцией в 1877 г. В ходе драматической полемики по этому вопросу членов императорского кабинета Горчаков, обращаясь к опыту прошлого, пытался убедить Александра II и сторонников победоносной кампании в необходимости взвесить все обстоятельства и дипломатическими методами обеспечить давление на Турцию. Но верх взяла “партия войны”, жаждавшая в условиях укрепившихся международных позиций России и военной славы. Оказав во время русско-турецкой войны неоценимую помощь балканским народам в борьбе за освобождение от турецкого ига, после Берлинского конгресса 1878 г. Россия вновь оказалась ослабленной и изолированной на международной арене, на грани финансового и общественно-политического кризиса внутри страны.

Короткое царствование Александра III (1881–1894 гг.) дало повод для самых противоречивых оценок. До сих пор одни исследователи делают акцент на проведении им

¹² Канцлер А.М. Горчаков, с. 211–212.

¹³ *Чичерин Г.В.* Исторический очерк дипломатической деятельности А.М. Горчакова. М., 2009, с. 416.

¹⁴ История дипломатии, в 3-х т., т. 1. М., 1941, с. 497.

контрреформ, ограничивших либеральные преобразования 1860–1870-х годов, другие утверждают, что своим военно-политическим курсом царь надежно укрепил обороноспособность страны и ее международный авторитет. Некоторые считают, что Александр III был недалеким правителем и мракобесом, их оппоненты же превозносят его заслуги в развитии культурной и исторической мысли, отмечая, в частности, тот факт, что он был создателем и первым председателем Русского исторического общества и способствовал возникновению Русского музея. Одно неоспоримо – император Александр III твердо верил в свое предназначение самодержца, призванного единолично решать судьбы огромной державы. Вернув Россию на путь державного авторитаризма, властно и жестко правя страной 13 лет, Александр III и на внешней арене ставил целью действовать прямо и решительно. Он всячески подчеркивал свою принадлежность к русскому народу, заявлял о приверженности его традициям, провозглашал необходимость проведения национальной внешней политики, призванной “извлекать из всего все, что нужно и полезно для России”¹⁵. С самого начала своего царствования Александр III был решительно настроен в отношении свободного прохода русских военных кораблей через Черноморские проливы, рассчитывая добиться этого не просто дипломатической активностью, а вкупе с укреплением морской мощи России на Черном море.

В то же время на внешнюю политику Александра III большое влияние оказали результаты закончившейся войны с Турцией, в развязывании которой он, тогда еще наследник престола, сыграл не последнюю роль. Разрушительные последствия для страны и ничтожный внешнеполитический итог балканской эпопеи диктовали царю необходимость избегать новых конфликтов и осложнений. Для выполнения этой задачи прекрасно подходил назначенный министром иностранных дел Н.К. Гирс, его главными качествами являлись глубокая преданность монархии и осторожность. Этот момент очень чутко уловил германский представитель в Петербурге Б. Бюлов: “Гирс прекрасно знает, что в России в случае внешнего поражения вспыхнет революция, по сравнению с которой Парижская коммуна покажется детской забавой”¹⁶. Инстинкт самосохранения и стремление свести к минимуму влияние внешних факторов на положение в России имели важное значение в проведении Александром III в целом миролюбивой внешней политики, благодаря которой он вполне заслуженно получил звание Миротворца. Правда, в ответ на сложившийся в 1879–1882 гг. Тройственный союз во главе с Германией в конце 1893 г. Александр III пошел на заключение русско-французского союза, что закрепило раскол Европы на два противостоящих блока и явилось шагом на пути подготовки и развязывания Первой мировой войны. Но все же в истории России навсегда запечатлелись его слова, сказанные перед кончиной сыну Николаю: “Помни – у России нет друзей. Нашей огромности бояться. Избегай войн”¹⁷.

На переломном этапе мирового развития во главе России встал Николай II, личность которого не соответствовала требованиям времени. Новый правитель страны почти всегда находился в “зоне тяготения” прошлого России. Образцом правителя для него был царь Алексей Михайлович (отец Петра I), хранивший традиции старины и самодержавия как основы могущества и благосостояния России. Николай II правил, образно говоря, с головой, повернутой назад: люди и представления вчерашнего были ему близки и понятны. Наряду с его уверенностью в неограниченной власти самодержавия многие современники отмечали какую-то внутреннюю отстраненность царя от происходящих событий. Так, министр иностранных дел А.П. Извольский (1907–1909 гг.) вспоминал сказанные ему слова императора: “Если Вы видите меня столь спокойным, то это потому, что я имею твердую и полную уверенность, что судьба России, точно так же, как судьба моя и моей семьи, находится в руках Бога, который поставил меня на мое место”¹⁸. Происшедший в России несомненный экономический рост, особенно в

¹⁵ Российская дипломатия в портретах. М., 1992, с. 259.

¹⁶ Там же, с. 260.

¹⁷ Позднышев С.Д. Распни его. Париж, 1952, с. 45.

¹⁸ Извольский А.П. Воспоминания, 2-е изд. М., 1989, с. 133.

сельском хозяйстве, чаще связывают с именами министра финансов С.Ю. Витте и председателя правительства П.А. Столыпина, чем непосредственно с деятельностью Николая II. В то же время, как и все российские императоры, он не был лишен великодержавных амбиций. Если в Европе Николай II поначалу старался держаться унаследованной от отца осторожной политике, то на Дальнем Востоке он видел реальную возможность укрепить могущество России и снискать личную славу.

Не обладая ни сокрушающей энергией Петра I, ни прозорливым умом Екатерины II, Николай II с середины 90-х годов включил Россию в соперничество великих держав на Дальнем Востоке, хотя страна оказалась к нему недостаточно готовой. Несмотря на возражения С.Ю. Витте и министра иностранных дел В.Н. Ламздорфа (1900–1906 гг.), царь самонадеянно взял курс на военное противоборство с Японией, ждавшей войны с Россией и надеявшейся с ее помощью устранить опасного соперника в регионе. Поражение в русско-японской войне 1904–1905 гг. нанесло серьезный удар по международному престижу России, явилось детонатором революционных выступлений в стране, положило начало расшатыванию устоев царского режима. На фоне усилившейся самоизоляции Николая II (от народа и собственного класса) русско-японская война привела к корректировке внешнеполитического курса России, который стал политикой соглашений и балансирования. В правящей верхушке страны царила атмосфера полнейшего разномыслия, сделавшая невозможным выработку четкого и обоснованного понимания национальных и государственных интересов России. Страна неумолимо втягивалась в блоковое противостояние, способствуя укреплению Антанты (Англия, Франция, Россия), противостоявшей Тройственному союзу (Германия, Австро-Венгрия, Италия).

Россия вступила в войну, которой никто не хотел и которой все боялись. Не хотел ее и Николай II, считавший, однако, что встать на защиту славян и России – его монарший долг и святая обязанность. Цели вступления России в войну, доступные пониманию только ограниченного круга лиц (отстоять престиж империи, отвоевать Черноморские проливы, водрузить крест на соборе Святой Софии в Константинополе), не могли вызвать глубокого отклика в народе. Великодержавный зуд охватил значительную часть политического и культурного бомонда тогдашней России, укрепляя Николая II в его решении начать войну. Известные политические и общественные деятели, например П.Б. Струве, Д.Д. Муретов, Н.В. Устрялов, провозглашали, что война была начата для утверждения “исторической роли” России, для осуществления “ее имперской задачи и ее славянского призвания”, а также для реализации заветной цели русской внешней политики – выхода к Босфору¹⁹. Пагубную роль в намерении Николая II вести “войну до победного конца” сыграла его жена – Александра Федоровна, имевшая чрезмерное влияние на мужа. Не обращая внимания на колоссальные людские потери русской армии, она в конце 1916 г. требовала от Николая II показать всем, что он “властелин” любящей “кнут” России, и призывала – “будь Петром Великим, Иваном Грозным, императором Павлом – сокруши их всех”²⁰. Искаженное видение исторического выбора страны и предназначения ее правителей обернулись трагедией для самой России.

“МЫ НАШ, МЫ НОВЫЙ МИР ПОСТРОИМ...”

Пришедшая к власти в России в результате революции 1917 г. партия большевиков во главе с В.И. Лениным значительную часть своей агитации строила на резкой критике царского режима – главного виновника, по ее мнению, национальной трагедии. Еще в ходе Первой мировой войны Ленин выдвинул лозунг о превращении империалистической войны в гражданскую, утверждая, что “наименьшим злом было бы теперь и тотчас – поражение царизма”, ибо он “во сто раз хуже кайзеризма”²¹. Ленин, черпав-

¹⁹ Нация и империя в русской мысли начала XX века. М., 2004, с. 179, 232, 260.

²⁰ Переписка Николая и Александры Романовых, в 5-ти т., т. 5. М., 1927, с. 172, 185, 189.

²¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 13–15.

ший опыт во французских революциях, не стеснялся в выражениях по отношению к царизму, характеризуя, в частности, Николая II не иначе, как “кровавым”, или называя царскую Россию “тюрьмой народов”. Один из самых известных идеологов революции Л.Д. Троцкий не старался прятать своего презрительного отношения к истории России до 1917 г. Он без обиняков называл основной чертой русского общественного развития его “сравнительную примитивность”, а всю историю страны сводил к “национальной ограниченности и провинциальной захолустности”²². Для лидеров Советской России, взявших на вооружение классовый подход к мировому развитию в его марксистской трактовке, революция в России была шагом на пути к мировой революции.

Произошли коренные изменения в понимании и определении советской властью национально-государственных интересов в области внешней политики. По свидетельствам того периода, первый народный комиссар по иностранным делам Троцкий не придавал особого значения внешней политике и дипломатии. Он не скрывал, что взял эту работу только потому, чтобы иметь больше времени для своей деятельности, и что его дело маленькое: “опубликовать тайные договоры и закрыть лавочку”²³. В соответствии с взглядами новой власти складывалась и школа историографии внешней политики России во главе с видным историком М.Н. Покровским. Свою основную задачу Покровский видел в разоблачении самодержавия как оплота реакции и агрессии, окрашивая русскую дипломатию в один цвет бездарности и глупости. Для него были характерны недооценка национально-освободительных аспектов в войнах России в XVII–XIX вв., отрицание народного характера Отечественной войны 1812 года, деформированное представление о международной роли России. Деятельность Покровского по освещению политики царской России высоко оценивалась Лениным.

Тем не менее обладание властью в России включило в сознание руководителей большевистской партии охранительные функции, продиктованные стремлением спасти и защитить новый государственный строй. Тот же В.И. Ленин настоял на назначении в феврале 1918 г. наркомом иностранных дел Г.В. Чичерина – единственного человека среди высоких лиц партии, определявших внешнюю политику страны, который изначально был дипломатом. Знающий и образованный чиновник царского внешнеполитического ведомства, высоко ценивший деятельность Горчакова, Чичерин оказался в двойственном положении. Советская внешняя политика преследовала во многом взаимоисключающие цели: укрепление безопасности СССР и рост его международного влияния как суверенного и независимого государства, с одной стороны, и активную поддержку революционных движений за рубежом – с другой. Надо отдать должное Чичерину: он руководствовался в первую очередь государственными интересами СССР, выступая за “размежевание” советского правительства и Коммунистического Интернационала, созданного в 1919 г. в Москве для поддержки коммунистических движений. Чичерин заявлял, что советское правительство и Коминтерн являлись “организациями различного типа”, не подчиненными и не зависящими друг от друга, а также имевшими “совершенно различные области работы” – государственную и партийную²⁴.

Велика заслуга Чичерина и в сохранении преемственности в деятельности советской дипломатии, несмотря на имевшееся в рядах партии искушение все начать с “чистого листа”. Напутствуя в ноябре 1921 г. назначенного полпредом в Турции С.И. Аралова, Г.В. Чичерин говорил о необходимости изучать деятельность русских дипломатов и, применительно к Турции, знать договоры с ней царской России. Он советовал полпреду хорошо подготовиться по вопросам европейской политики XIX в., проштудировать прежние международные договоры и знать основное о таких дипломатах, как Тайлеран, Меттерних, Бисмарк²⁵. Чичерин явился основным разработчиком советской программы

²² Троцкий Л.Д. К истории русской революции. М., 1990, с. 84, 236.

²³ Зарницкий С.В., Трофимова Л.И. Так начинался Наркоминдел. М., 1984, с. 7.

²⁴ Чичерин Г.В. Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961, с. 272.

²⁵ Аралов С.И. Воспоминания советского дипломата. 1922–1923. М., 1960, с. 15.

на Генуэзской конференции 1922 г., которая стала в определенном смысле переломным моментом в становлении советской внешней политики и дипломатии. Характерно, что советская делегация привезла в Геную часть библиотеки НКВД, состоявшую из дипломатических актов, заключенных не только накануне революции 1917 г., но и во времена царствования Петра I, Екатерины II, Павла I и других царей. Выдвинутые на конференции главные принципы советской внешней политики – мирное сосуществование и всеобщее разоружение – стали развитием идей Чичерина, а он выступил фактически как правопреемник российской дипломатии, инициатива которой привела к созыву Гаагских мирных конференций 1899 и 1907 гг.

По мере явного спада революционного движения на Западе и отсутствия серьезных выступлений на Востоке в Москве утверждался взгляд на Советский Союз как государство, способное развиваться самостоятельно с опорой на собственные возможности. Официальная пропаганда все настойчивее представляла СССР в качестве пусть временно единственного, но носителя исторической правды, призванного осуществить миссию по укоренению социалистической системы как господствующей системы развития человеческого общества. История советского государства, особенно история ВКП(б), стала рассматриваться новым руководителем СССР И.В. Сталиным важным орудием не только для укрепления своей личной власти, но и для внедрения в сознание людей мысли об исключительности избранного страной политического курса. Письмо Сталина в редакцию журнала “Пролетарская революция” в октябре 1931 г. “О некоторых вопросах истории большевизма”²⁶ сделало главенствующей тенденцию к обособленному и одностороннему исследованию отечественной и мировой истории, пренебрежению к иным ценностям и провозглашению всего советского единственно разумным. На фоне впечатляющих успехов в деле промышленного развития страны сталинское “прочтение истории” для многих выглядело вполне убедительным. Видный советский дипломат А.М. Коллонтай в письмах своим близким в тот период отмечала, что существование Советского Союза заставляет “по-иному воспринимать историю”, поскольку по сравнению с прошлым, когда в России мыслили “узко и эгоцентрично”, советские люди – это совершенно другой “коллектив”, неотделимый от “великой Советской Родины”²⁷.

Но если внутри СССР в целом наблюдалось негативное отношение ко всему, что предшествовало 1917 г., то во внешней политике происходила фактическая реабилитация дипломатии царского режима. Основным фактором, обусловившим изменения во внешней политике Советского Союза, стали приход к власти в Германии в январе 1933 г. нацистов с их жесткими антисоветскими установками и усиление угрозы со стороны милитаристской Японии. Вступление СССР в Лигу наций в 1934 г., советские инициативы в области коллективной безопасности, нормализация отношений с Китаем (несмотря на идеологические противоречия с режимом Чан Кайши) – вот далеко не полный перечень шагов советского руководства, предпринятых в лучших традициях российской дипломатии. По прямому указанию Сталина в 1934–1935 гг. была развернута кампания с осуждением “ошибочных” положений исторической концепции Покровского, главным образом в том, что касается недооценки освободительных мотивов политики России и патриотических чувств русского народа в борьбе с иноземной агрессией. Заметно снизился накал критической риторики в оценке международной деятельности царского режима, особенно в эпоху Петра I и Екатерины II.

В ходе Второй мировой войны при определении лидерами СССР, США и Англии послевоенного устройства мира Сталин, отодвинув на задний план вопросы идеологии, преследовал цели, по большинству параметров совпадающие с задачами внешней политики Российской империи. Достигнутая ценой немыслимых жертв (в этом советское руководство показало себя последовательным наследником царского режима) и героизма

²⁶ *Сталин И.В.* Соч., т. 13. с. 84–102.

²⁷ *Коллонтай А.М.* “Революция – великая мятежница”. Избранные письма 1901–1952. М., 1989, с. 360, 371.

советского народа определяющая роль СССР в исходе войны позволила советскому руководству решить в пользу СССР проблему возвращения территорий, потерянных царской и Советской Россией в 1905–1920 гг., приступить к созданию вдоль новых границ (прежде всего в Центральной и Восточной Европе) защитного пояса из дружественных просоветских государств, надолго обеспечить баланс сил в Европе за счет обезвреживания главного нарушителя европейского равновесия – Германии. Советский Союз сумел добиться выгодного для себя решения так называемого польского вопроса и значительного укрепления позиций на Балканах. Серьезные изменения произошли на Дальнем Востоке. Вступление СССР в войну с Японией Сталин в контактах с президентом США Рузвельтом в декабре 1944 г. обусловил возвращением Советскому Союзу переданного Японии по Портсмутскому договору Южного Сахалина, а также получением Курильских островов²⁸. В закреплении за СССР стратегически важных территорий советская дипломатия видела не только часть своей стратегии по долгосрочной нейтрализации Японии, но и восстановление исторической справедливости.

В условиях набиравшей силу “холодной войны” ситуация в мире стала напоминать геополитические расклады XIX в., характеризовавшиеся на этот раз столкновением имперских амбиций правящих кругов США с великодержавными устремлениями Сталина. После победы над Германией советский руководитель мыслил себя собирателем русских земель, призванным смыть “позорные пятна” прошлого. Помимо упоминавшихся задач советской внешней политики Сталин не сбрасывал со счетов и другие вековые помыслы российской дипломатии. Так, по его настоянию в июне 1945 г. В.М. Молотов остро поставил перед турецкой стороной вопрос о “совместной обороне” Проливов, поскольку, как уточнялось позднее, Черное море является “закрытым морем” и его режим должен определяться только черноморскими державами (это предложение было категорически отвергнуто Турцией при полной поддержке Запада)²⁹. Силовая доминанта “атомной дипломатии” США лишь утвердила Сталина в том, что проявляемая им жестокость во имя построения централизованного и мощного государства в целом оправдывалась историческим опытом России с ее стремлением выступать на международной арене в качестве великой державы. Победа же коммунистов в Китае в 1949 г. убедила Сталина в правоте мировоззрения относительно преимуществ социализма и его конечной победы в борьбе с капитализмом. Возросшее воздействие Советского Союза на мировую политику сыграло, как это не раз бывало в истории России, не последнюю роль в непоколебимой вере Сталина в свою непогрешимость, приведая, в частности, к снижению влияния советского МИД на характер внешней политики СССР.

После смерти Сталина была сделана попытка вернуться к методам коллективного руководства в осуществлении внешней политики страны. Инициаторами пересмотра сталинских подходов к внешней политике с целью снижения международной напряженности стали Н.С. Хрущев, Г.М. Маленков и поддерживавший их А.И. Микоян³⁰. На смену сталинскому тезису о неизбежности мировых войн при капитализме и необходимости его ликвидации для достижения прочного мира была выдвинута концепция об отсутствии в условиях нового соотношения сил фатальной неизбежности войны и о мирном сосуществовании как главном принципе советской внешней политики. Был резко снижен уровень критики в адрес западных держав и НАТО, в феврале 1954 г. выдвинуто предложение о создании общеевропейской системы коллективной безопасности, заявлено о готовности рассмотреть вопрос об участии СССР в Североатлантическом договоре. Наряду с этим было покончено со сталинским недоверием к национальной буржуазии колониальных и зависимых стран. Линия на поддержку независимости колониальных стран и народов, на сотрудничество с новыми незави-

²⁸ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы, в 2-х т., т. 2. М., 1984, с. 272.

²⁹ Очерки истории Министерства... Т. 2. 1917–2002 гг., с. 336.

³⁰ Там же, с. 390.

симыми государствами стала еще одним важнейшим принципом внешней политики СССР.

Историческое значение для Советского Союза и всего мирового развития имел XX съезд КПСС (февраль 1956 г.) и выступление на нем Хрущева с разоблачением культа личности Сталина³¹. Выводы доклада были сравнительно просты: сталинизм рассматривался как деформация социализма, обусловленная личными качествами Сталина. Кроме того в докладе утверждалось, что произвол и “мания величия” Сталина дали о себе знать не только при решении вопросов внутренней жизни страны, но и в области международных отношений. XX съезд КПСС положил начало процессу ликвидации последствий сталинского культа личности, определенной демократизации общественной жизни в СССР, периоду “оттепели”. Вместе с тем первая волна “десталинизации” сопровождалась формулой умолчания, касающейся, среди прочего, роли Сталина в осуществлении внешней политики СССР и его деятельности в качестве руководителя страны – члена антигитлеровской коалиции. Наиболее ретивые проводники этой формулы изымали имя Сталина отовсюду, вплоть до того, что Сталинградскую битву стали называть “волгоградской”. Свергнув Сталина с пьедестала, Хрущев поколебал и казавшуюся незыблемой веру в сталинское восприятие социализма. Доклад Хрущева внес серьезный раскол в международное коммунистическое движение и рядом компартий был признан ревизионистским (существенно ухудшились отношения с главным союзником СССР – Китайской Народной Республикой). Развенчание культа личности подтолкнуло процессы либерализации в странах Восточной Европы, принимая подчас драматические формы, как в случае с Венгрией в 1956 г.

Прощание с “наследием” Сталина в области внешней политики сопровождалось рядом демонстративных шагов, призванных на деле показать отказ от сталинской философии интересов СССР на международной арене. Уже в мае 1953 г. советское правительство заявило, что не имеет никаких территориальных претензий к Турции и, пересмотрев свое прежнее мнение по вопросу Проливов, считает возможным обеспечение безопасности СССР со стороны Проливов на условиях, одинаково приемлемых как для СССР, так и для Турции³². В ходе российско-японских переговоров в Лондоне в 1955 г. о послевоенном мирном урегулировании глава советской делегации Я.А. Малик по прямому указанию Н.С. Хрущева заявил, что в случае заключения мирного договора СССР мог бы передать Японии два из четырех островов Курильской гряды (Хабомай и Шикотан), что явилось полной неожиданностью не только для остальных членов советской делегации, но и для японской стороны. Однако данная односторонняя уступка, отступавшая от договоренностей, достигнутых союзниками на конференциях в Ялте и Потсдаме в 1945 г., и Сан-Францисского мирного договора 1951 г., никак не повлияла на позицию Японии и не привела к продвижению вопроса о подписании мирного договора между двумя странами.

Между тем отсутствие со стороны Запада какого-либо внятного отклика на наметившиеся после смерти Сталина изменения в советской внешней политике оказало существенное воздействие на дальнейшую внешнеполитическую линию Хрущева, который не скрывал своих намерений быть дипломатом номер один. Отличительной чертой его поведения стало то, что государственные интересы нередко подчинялись идеологическим, что привело, в частности, к возврату к сталинским принципам жесткого контроля и конфронтации по вопросам социалистического лагеря. Идеология проявилась и в Суэцком кризисе (сентябрь–ноябрь 1956 г.), в котором СССР решительно – вплоть до угрозы применения военной силы – поддержал Египет. Работавший помощником Н.С. Хрущева по внешнеполитическим вопросам известный советский дипломат О.А. Трояновский полагал, что Хрущев пренебрег сталинским предостережением от вмешательства в дела

³¹ Хрущев Н.С. О культе личности и его последствиях. – Известия ЦК КПСС, 1989, № 3, с. 128–170.

³² Очерки истории Министерства..., т. 2, с. 377.

Ближнего Востока, что имело серьезные международные последствия, а именно – нападение Англии, Франции и Израиля на Египет³³.

Колебания и непоследовательность стали стилем “хрущевского десятилетия”: XX съезд КПСС провозгласил отказ от тезиса о неизбежности войны, но именно при Хрущеве разразился один из самых опасных конфликтов, поставивший мир на грань ядерной войны – Карибский кризис (октябрь 1962 г.). С одной стороны, восстановление отношений с Югославией, избравшей самостоятельный путь движения к социализму, с другой – военное вмешательство в Венгрии в 1956 г. Активная переговорная деятельность с заключением компромиссных соглашений, примером чего явился Московский договор о частичном запрещении испытаний ядерного оружия (1963 г.), чередовалась с нетерпимостью и категоричностью, продемонстрированными Хрущевым в ООН: “Мы вас похороним” (сентябрь 1960 г.).

Существенное воздействие на зигзагообразный облик советской внешней политики того периода оказали низкий образовательный уровень Хрущева и его нежелание считаться с мнением знающих и опытных специалистов в области международных отношений. Недаром министр иностранных дел СССР А.А. Громыко, постоянно испытывавший на себе недалекость и волюнтаризм Н.С. Хрущева, стал уделять большое внимание упрочению документальной базы деятельности советской дипломатии. По его инициативе в 1959 г. решением Политбюро ЦК КПСС была создана Комиссия по изданию дипломатических документов при МИД СССР, которая на протяжении более чем 25 лет своей работы выпустила значительное количество документальных сборников об отношениях нашей страны с различными государствами мира и главное – 21 том “Документов внешней политики СССР” (1917–1938 гг.), две серии “Документов внешней политики России”, шеститомник документов и материалов “Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.”³⁴ Громыко неоднократно повторял, что дипломатия не может быть успешной без знания истории. Он считал необходимым тщательно изучать минувшие события международной жизни, знать опыт отечественных дипломатов и применять его на практике. Громыко руководил работой большого коллектива ученых и дипломатов, который с 1961 г. приступил к изданию четырех томов фундаментального исследования “История дипломатии”.

Разумеется, А.А. Громыко во многом руководствовался укоренившимися представлениями о социализме и капитализме, идеологическими постулатами правившей в СССР коммунистической партии, что дало известному советскому дипломату А.Ф. Добрынину основания охарактеризовать министра “учеником Сталина”. Однако тот же Добрынин вполне обоснованно отмечал, что главным для Громыко “была защита национальных интересов, как он их понимал, и в первую очередь твердое отстаивание завоеваний после тяжелой войны с фашистской Германией”³⁵. Чрезвычайно важным в глазах Громыко было стремление не допустить вовлечения страны в серьезные военные конфликты, особенно с США. Оценку же Сталина Громыко сам дал незадолго до своей кончины в мемуарах, вышедших в 1988 г. в самый разгар “перестройки” и второй волны “десталинизации”. Громыко писал, что страна и народ никогда не смогут простить Сталину беззаконий, совершенных им во имя достижения поставленных целей, его чудовищный произвол, который привел к гибели множества советских людей. В то же время, как отмечал Громыко, нельзя не видеть того, что Сталин на протяжении

³³ *Трояновский О.А.* Через годы и расстояния. История одной семьи. М., 1997, с. 150.

³⁴ На этой стороне деятельности А.А. Громыко подробно останавливался в своих работах член комиссии, известный отечественный дипломат и историк академик С.Л. Тихвинский, который отмечал “исключительное внимание” министра к созданию документальной базы для деятельности советской дипломатии. Он подчеркивал, что работе Громыко были присущи научная обоснованность и строго логическая цепь доказательств: *Тихвинский С.Л.* Избранные произведения, в 5-ти кн., кн. 4. М., 2006, с. 8–10, 332, 336–339.

³⁵ *Добрынин А.Ф.* Сугубо достоверно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1963–1986 гг.), 2-е изд. М., 2008, с. 627.

трех десятков лет играл определяющую роль в руководстве великой державы, решавшей грандиозные задачи своего развития и отстаивавшей свое Отечество в борьбе против фашистских захватчиков³⁶.

В результате отстранения Хрущева от власти в 1964 г. внешняя политика СССР приобрела более стабильный и предсказуемый характер без импульсивных срывов, присущих прежнему руководителю. Возросли роль МИД СССР в формировании внешнеполитического курса страны и влияние А.А. Громыко на нового советского лидера Л.И. Брежнева. Важное значение имело то обстоятельство, что во второй половине 60-х годов у советского руководства возникла уверенность в прочности мировых позиций Советского Союза в связи с достигнутым ценой огромных усилий военно-стратегическим паритетом между СССР и США и успехами страны в освоении космоса. На одном из совещаний в министерстве Громыко говорил, что “наша внешняя политика осуществляется сейчас в принципиально новой обстановке подлинного равновесия сил. Мы стали действительно великой державой, хотя для достижения этой цели пришлось затратить труд двух поколений советских людей”³⁷. Основой внешней политики СССР стала задача мирного сосуществования с Западом, во многом базировавшаяся на живой памяти о трагедиях Великой Отечественной войны. Такой курс отражал настроения подавляющего числа населения Советского Союза, готового мириться с внутренними проблемами советской системы ради одного – “лишь бы не было войны”. Признание со стороны ведущих западных государств нового соотношения сил позволило добиться реального снижения международной напряженности, несмотря на серьезные кризисы в отношениях между Востоком и Западом из-за войны во Вьетнаме (1965–1973 гг.) и событий в Чехословакии (1968 г.). Первая половина 70-х годов была отмечена урегулированием “германского вопроса”, разрядкой в советско-американских отношениях и, наконец, проведением в 1975 г. Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Однако ни СССР, ни Запад так и не смогли “поступиться принципами”. А.А. Бессмертных, бывший в 1991 г. короткое время министром иностранных дел СССР, позднее говорил, что в советской внешней политике «был сильный идеологический компонент во взаимоотношениях с “некапиталистическим миром” и социалистическими странами Запада и Востока». Правда, Бессмертных, также как и Добрынин, отмечал, что Громыко и дипломатия СССР отстаивали больше национальные, чем “идеологические” интересы, опираясь, по его словам, на весь международно-правовой массив, накопленный Россией со времен Посольского приказа, обогащенный дипломатией XX в.³⁸ Только защита интересов СССР проходила в условиях, когда к историческому взаимному недоверию добавилось противостояние советской идеологии с идеологией антикоммунизма западных стран во главе с США, доведенной до “совершенства” американским президентом Р. Рейганом (1981–1989 гг.) с его крестовым походом против “империи зла”. Достаточно вспомнить, что Л. Джонсон, ставший президентом США после убийства Дж. Кеннеди в 1963 г., настаивал на военном вмешательстве во Вьетнаме, мотивируя это тем, что “США должны взять на себя основное бремя борьбы против коммунизма в Юго-Восточной Азии”, иначе американцы “неизбежно должны будут потерять Тихий океан, который в этом случае превратится в “красное море”³⁹. Аналогией провала политики

³⁶ Громыко А.А. Памятное, кн. 1. М., 1988, с. 208–209.

Приведенная характеристика Сталина перекликается с оценкой Мао Цзедуна, данная после его смерти ставшим неформальным лидером Китая Дэн Сяопином, пострадавшим от “культурной революции”. Дэн Сяопин отмечал, что деятельность Мао Цзедуна состояла из 70% “хорошего” и 30% “ошибок”. Он подчеркивал, что отрицание роли Мао Цзедуна “есть отрицание значительной части истории китайской революции”. – Дэн Сяопин. Строительство социализма с китайской спецификой. Статьи и выступления. М., 2002, с. 363–364.

³⁷ Квицинский Ю.А. Время и случай: заметки профессионала. М., 1999, с. 278.

³⁸ Бессмертных А.А. “Дипломатический вундеркинд”. К 100-летию А.А. Громыко. – Международная жизнь, 2009, № 2–3, с. 199–200.

³⁹ Цит. по: Корниенко Г.М. “Холодная война”: свидетельство ее участника. М., 1994, с. 122–123.

США во Вьетнаме явился грубейший просчет советского руководства в связи с вводом войск в Афганистан в 1979 г. Бывший первый заместитель министра иностранных дел СССР Г.М. Корниенко (1977–1988 гг.) полагал, что роковую роль сыграло идеологически обусловленное ложное представление, будто речь шла об опасности “потерять” не просто соседнюю, а “почти социалистическую” страну⁴⁰.

Между тем главную угрозу Советскому Союзу советские руководители не только не сумели почувствовать, но и сами фактически способствовали ее возникновению. Подверженное традиционному российскому заблуждению “упоеание властью”, брежневское руководство, оберегая систему от какой бы то ни было модернизации, поставило во главу угла задачу “внутренней стабильности”, которая к началу 80-х годов стала превращаться во все углублявшееся технико-экономическое отставание от развитых стран Запада. При отсутствии динамизма и в условиях политической вялости центра страна практически работала на холостом ходу. Происходило отчуждение широких народных масс от партийного руководства, вызванное в значительной степени идеологическим кризисом. Бывший в то время заместителем Международного отдела ЦК КПСС К.Н. Брутенц с горечью отмечал, что “идеология становилась маской, скрывавшей безыдейность вождей, инструментом, с помощью которого они пытались удержаться у власти”⁴¹. Прогрессировавший политический застой в СССР и социалистическом содружестве в целом приводил к снижению привлекательности советской модели развития, к потере Советским Союзом положения “полюса притяжения” для стран “третьего мира”. Очевидные негативные тенденции внутри СССР вызвали наращивание усилий США и их союзников по НАТО с целью достижения военного превосходства и активизации антисоветских сил в социалистических и развивающихся странах.

ОТТОРЖЕНИЕ СОВЕТСКОГО ПРОШЛОГО ИЛИ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ?

Углубление кризиса советской системы подвинуло руководство КПСС к поиску новой экономической и социальной политики, к стремлению осуществить демократизацию партии, общества и государства. В марте 1985 г. генеральным секретарем ЦК КПСС был избран М.С. Горбачев, провозгласивший курс на “перестройку” – глубокие реформы в социально-экономической сфере, во внутренней и внешней политике. В области международных отношений была выдвинута концепция противоречивого, но взаимосвязанного, взаимозависимого, по сути, целостного мира. Подчеркивалось, что “ядерная война не может быть средством достижения политических, экономических, идеологических, каких бы то ни было целей”. Необходимо было полностью исключить возможность крупномасштабного военного конфликта. Отсюда и новый подход к фактору силы в международных отношениях: на первый план выдвигался баланс интересов, а не баланс сил. Безопасность трактовалась как равная для всех и всеобщая. В качестве принципиальной основы всеобщей безопасности провозглашалось признание за каждым народом права выбора собственного пути социального развития, отказ от вмешательства во внутренние дела других государств. Ядром нового мышления в области внешней политики стало признание приоритета общечеловеческих ценностей⁴².

Как представляется, осознание пагубности для внутренних процессов в СССР продолжения соревнования в гонке вооружений в немалой степени лежало в основе выходящего за рамки принятого подхода к решению международных проблем. Начальный этап “перестройки” в основном пользовался поддержкой советского общества, увидевшего, в частности, в попытке явить миру обновленный облик Советского Союза, своего рода панацею от постигших страну крупных неурядиц. Соответственным образом настроилась и советская дипломатия, которая, освободившись от идеологического

⁴⁰ Там же, с. 196.

⁴¹ Брутенц К.Н. Несбывшееся. Неравнодушные заметки о перестройке. М., 2005, с. 38.

⁴² Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1987, с. 137–149.

давления, усмотрела в приходе Горбачева к власти перспективу продвижения по пути прекращения “холодной войны” на взаимоприемлемых условиях, без победителей и побежденных.

Не так однозначно выглядела линия Горбачева на развитие гласности в стране, сопровождавшаяся среди прочего заполнением многих белых и прояснением темных пятен отечественной истории. Хотел того Горбачев или нет, но историческая политика перестроечного руководства вылилась в компрометацию прошлого страны, особенно его “большевистского” периода. О состоянии умов зачинателей второй волны “десталинизации” (к слову, имя Сталина в 1970-х годах в стране стали забывать) лучше всего свидетельствуют мемуары А.Н. Яковлева – главного, по общему мнению, идеолога “перестройки”. В них Яковлев, в частности, рассуждал, что “Ленин и Сталин создали преступное государство”, что большевики так ничего и не породили кроме “сталинского фашизма”, который по многим своим идеям и проявлениям “явился прародителем европейского фашизма”. Он утверждал, что «победа демократии во Второй мировой войне, разгром феодальной Германии, “план Маршалла”, сплочение Запада перед коммунистической угрозой объективно привели к свободному эволюционному развитию капитализма», посетовав, правда, при этом, что “феодально-большевистский хребет пришлось доламывать еще сорок с лишним лет”. Яковлев сожалел, что после распада СССР “недобитый ленинско-сталинский фашизм” получил возможность продолжать свою подрывную работу и “в воздухе опять запахло милитаризмом”⁴³. Многие свидетели перестроечной эпопеи помнят: стремление граждан СССР к поиску правды и справедливости, к нравственному обновлению пытались удовлетворить назойливыми “страшилками” о недавнем прошлом. На деле подобная практика ставила под сомнение усилия и сами жизни целых поколений советских людей, включая современников, усугубляя надлом в общественном сознании.

Критический настрой Горбачева и его ближайшего окружения в отношении предшествовавшего “перестройке” советского прошлого не могло не отразиться на внешней политике Советского Союза. Один из самых активных сторонников М.С. Горбачева, министр иностранных дел СССР Э.А. Шеварднадзе, позднее безапелляционно заявлял, что “историческая миссия горбачевской перестройки, как и моя собственная роль в политике, состояла в том, чтобы урегулировать сложнейший процесс”, который заключался в “мирном демонтаже” советской империи. При этом в воспоминаниях, рассчитанных на благожелательное их восприятие западным общественным мнением, Шеварднадзе в превосходных тонах говорил о ликвидации Советского Союза – этого “кровавого, утопического, возникшего наперекор Божьей воле и вопреки законам природы царства”⁴⁴.

Внутренние убеждения вершителей внешней политики СССР изменили и саму сущность советской дипломатии – ориентация на общечеловеческие ценности как основу реальной политики СССР по сути игнорировала государственные интересы и насущные задачи страны. Тот же Шеварднадзе подчеркивал, что он “решительно от-

⁴³ Яковлев А.Н. Омут памяти. От Столыпина до Путина, в 2-х кн., кн. 1. М., 2001, с. 16, 77, 313, 316, 341.

Памятуя о том, что подобные умозаключения появились еще в последнем советском руководстве, нам остается лишь негодовать по поводу того, что 3 июля 2009 г. Парламентская ассамблея ОБСЕ поставила знак равенства между Гитлером и Сталиным. В оскорбительной для сокрушившей фашизм страны резолюции утверждалось, что “в двадцатом веке европейские страны испытали на себе два мощных тоталитарных режима, нацистский и сталинский, которые несли с собой геноцид, нарушения прав и свобод человека, военные преступления и преступления против человечности”, и говорилось об инициативе «объявить 23 августа, т.е. день подписания 70 лет назад “пакта Риббентроп–Молотов”, общеевропейским днем памяти жертв сталинизма и нацизма». См. Resolution on “Divided Europe reunited: Promoting human rights and civil liberties in the OSCE region in the 21st Century.” – OSCE Parliamentary Assembly: Final Vilnius Declaration 2009 (S.48f.), <http://oscepa.org>

⁴⁴ Шеварднадзе Э.А. Когда рухнул железный занавес. Встречи и воспоминания. М., 2009, с. 231–232.

вергал прежний образ действий советской дипломатии, потому что его отличительной чертой было презрительное отношение к договоренностям и понимание дипломатии как умения вводить людей в заблуждение”⁴⁵. Как показали дальнейшие события, такая конъюнктурная, далекая от исторической обоснованности позиция привела к тому, что Советский Союз стал все чаще подстраиваться под линию ведущих западных стран, нередко наступая на горло “собственной песне” в международных делах.

Было бы прегрешением против истины представлять внешнеполитическую деятельность СССР при Горбачеве исключительно в мрачных тонах. Обогнавшее время видение мировых процессов через призму нового политического мышления первоначально вызвало непоколебимый энтузиазм советской дипломатической службы. Будучи одним из самых убежденных сторонников назревших перемен, советская дипломатия с максимальной отдачей заработала в направлении подлинной разрядки международной напряженности, устранения несущих угрозу международной стабильности конфликтных ситуаций, прежде всего в Афганистане, выравнивания отношений СССР с ранее “проблемными” странами, включая Китай. Однако народившиеся надежды на изменение конфронтационного мирового порядка, изгнание из международной жизни права сильного быстро пошли на убыль: цену за прекращение “холодной войны” платила только наша страна. В погоне за призрачной поддержкой западных государств во главе с США упрочения позиций Горбачева внутри страны советский лидер и его соратники жертвовали международным статусом и влиянием СССР. Советское руководство фактически бросило на произвол судьбы социалистические страны Восточной Европы, пошло на беспрецедентные уступки в области разоружения, нарушив тем самым стратегическое равновесие, удовлетворилось второстепенными ролями на Ближнем Востоке, что позволило США провести в 1991 г. операцию “Буря в пустыне” против Ирака, открывшую Соединенным Штатам дорогу к утверждению себя в качестве единственной сверхдержавы.

По большому счету заявленное Москвой новое политическое мышление, в принципе ориентированное на привлекательность для Запада, Вашингтон неизменно ставил в кавычки. На фоне деградации положения в СССР советские внешнеполитические инициативы выглядели в глазах западных политиков как признание поражения советской модели развития, как окончание “холодной войны”, по ее итогам “победитель получает все”. Бывший госсекретарь США Дж. Бейкер (1989–1993 гг.) полагал, что новое мышление содержало в себе “философские элементы”, которые могли быть эффективно использованы, чтобы оказать давление на СССР “в нужном нам направлении”⁴⁶. Соединенные Штаты развернули широкомасштабные действия по германскому вопросу, имея в виду свести к минимуму те положения Ялтинских соглашений 1945 г. и Хельсинкского акта 1975 г., которые в СССР рассматривались в качестве важнейших достижений его внешней политики. Не добившись на переговорах по объединению Германии приемлемых для СССР – страны-победительницы – условий этого процесса, Горбачев и его соратники поставили жирную точку в многолетних усилиях советской дипломатии с целью сохранения послевоенного мирового порядка. После распада СССР Бессмертных, выступая, кстати, на конференции в фонде Горбачева, сделал невеселое признание: “Чрезмерное подчеркивание верховенства общечеловеческих ценностей над классовыми, отход все дальше в результате такого понимания от соображений национальных интересов стали индугенцией для тех, кто вместо упорных дипломатических соглашений предпочитал сливание переговорных позиций... Запад, поаплодировав, не подхватил доктрину общечеловеческих интересов... отказ от противоборства двух систем явился, говоря с нынешних позиций, преждевременным”⁴⁷.

В результате ликвидации Советского Союза к руководству Россией пришли люди, для которых внешняя политика стала средством обеспечения поддержки режима извне,

⁴⁵ Там же, с. 83.

⁴⁶ Baker J.A. (*therd*). Politics of Diplomacy: revolution, war and peace. 1989–1992. New York, 1995, p. 69.

⁴⁷ Цит. по: Брутенц К.Н. Указ. соч., с. 422.

орудием сохранения себя у власти. Б.Н. Ельцин и его окружение нарушили незыблемый закон обеспечения безопасности страны – недопущение иностранного вмешательства во внутренние дела. Бывший госсекретарь США Г. Киссинджер признавал, что западные лидеры, рассматривая Россию “не как серьезную силу, но как объект снисходительного внимания”, действовали таким образом, будто бы “они сами были частью российского внутривнутриполитического процесса”⁴⁸. Растущая слабость и зависимость России давала возможность Соединенным Штатам и их союзникам по НАТО через МВФ, Всемирный банк, деятельность иностранных, главным образом американских, советников “помогать” российскому руководству насаждать в стране капитализм образца XIX в. Процесс упадка России принял небывалые масштабы: был нанесен сокрушительный удар по ее экономическому потенциалу, тяжелейшие потери понесла стратегическая мощь России, произошло невиданное обнищание большей части населения. Все это происходило на фоне далеких от реальности рассуждений о демократизации и свободе общества вкупе с призывами к борьбе с “проклятым советским прошлым” и алармистскими заявлениями о грозящей “коммунистической опасности”.

В своем стремлении как можно ярче проявить себя частью “цивилизованного мира” российское руководство не чинило препятствий тем силам российского общества, которые активно внушали гражданам России мысль о том, что они-де, являются неудачниками мировой истории, что их культура и традиции не соответствуют общечеловеческим ценностям, а патриотизм представляет из себя “прибежище негодяев”. Великая Отечественная война беззастенчиво представлялась как схватка двух тиранов; принижалась роль Советского Союза в победе антигитлеровской коалиции. В качестве учебного пособия для средней и высшей школы государственными органами (Миннауки России) рекомендовались исследования по истории СССР, подготовленные западными авторами, в частности Н. Вертом, Д. Хорскингом, Д. Боффа. К примеру, рассчитанный на французских студентов учебник сына русского эмигранта Верта содержал широкий набор тезисов, удовлетворявших самых изощренных сторонников политики сдерживания в отношении Советского Союза. Оказывается, перед Второй мировой войной советская дипломатия, “отказавшись от всех принципов, за исключением все более последовательного национализма”, созрела для альянса с нацистской Германией. По Верту выходило, что политика мирного сосуществования после XX съезда КПСС была задумана как “новая форма противодействия Западу”. Трагические же, в том числе и для Советского Союза, события в Афганистане преподносились как апогей “беспрецедентного размаха советской экспансии”⁴⁹. Возникает вопрос: как бы во Франции отнеслись к тому, что французские школьники и студенты изучали бы историю собственной страны по учебникам, написанным в России исследователями – сторонниками теории заговора со стороны Запада?

Произошло отчуждение внешней политики России от ее национальных интересов. В воспоминаниях бывший министр иностранных дел России Е.М. Примаков приводит пересказ состоявшейся в начале 90-х годов беседы тогдашнего главы российского внешнеполитического ведомства А.В. Козырева с экс-президентом США Р. Никсоном (1969–1974 гг.). Козырев просил Никсона подсказать, как определить национальные интересы России, поскольку “одна из проблем Советского Союза состояла в том, что мы слишком как бы заклинились на национальных интересах”. Никсон, почувствовавший себя “не очень комфортно”, после беседы сказал сопровождавшему его лицу, что в период своего президентства он хотел, чтобы все знали, что он “сукин сын” и будет драться из всех сил во имя американских интересов. Козырев же, по его словам, руководствовался

⁴⁸ Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? М., 2002, с. 67.

⁴⁹ Верт Н. История Советского государства. 1900–1991, 2-е изд. М., 1998, с. 268, 422, 481.

В аннотации к учебнику говорилось, что это учебное пособие стало одним из наиболее популярных в высших учебных заведениях России. По мнению издателей, объективность изложения, концептуальная стройность позволяли успешно использовать его не только преподавателями, студентами и абитуриентами, но и школьниками старших классов.

желанием всем показать, “какой он замечательный, приятный человек”, вместо того чтобы “защищать и укреплять новую Россию” после распада СССР⁵⁰.

Разумеется, было бы иллюзией руководствоваться прежними рефлексам сверхдержавы для встраивания в изменившуюся расстановку мировых сил страны, которая, съезжившись территориально и демографически, не только лишилась части геополитических и стратегических козырей, но и переживала всеобъемлющий кризис. Однако, как правопреемник СССР, Россия заняла его место в Совете Безопасности ООН, оставалась ядерной супердержавой, могла опереться на доставшиеся в наследство позиции в различных регионах мира. Сохранилась, наконец, отечественная дипломатическая служба, не растерявшая накопленного опыта по налаживанию равноправных отношений с ведущими государствами в самых сложных международных ситуациях при твердом отстаивании национальных интересов страны.

Тем не менее вместо того, чтобы извлечь максимум возможного для России из сложившейся непростой, но не безвыходной ситуации (особенно с учетом внутреннего потенциала страны), Ельцин и его окружение изначально согласились с ролью ведомого в международных делах. В расчете на благосклонность Запада (и, разумеется, на многомиллиардные кредиты) официальная Россия допустила радикальное ослабление ее международного влияния, платя как бы дань победителю в виде сдачи внешнеполитических позиций. Мировая история не знает примеров, когда держава, не потерпевшая поражения в войне, с такой легкостью расставалась с тем, что было достигнуто ценой огромных усилий и жертв прежних поколений. Соединенные Штаты и их союзники по НАТО начали беспрепятственно осваивать постсоветское пространство, без особого сопротивления подошли к границам России, свели к минимуму ее возможности играть самостоятельную роль на Балканах. Российский флот оказался фактически запертым в Черном море, помышляя лишь о том, чтобы удержаться в Крыму – территории независимой Украины. Россия продолжала терять свои позиции на Ближнем Востоке, утратила интерес к Африке, пойдя на значительное снижение своего присутствия на континенте.

Российское руководство добровольно едва не отказалось от главного завоевания на Дальнем Востоке – Курильских островов. После распада СССР российское правительство стало склоняться к тому, чтобы в расчете на японскую помощь достичь соглашения с Токио по Курилам как можно скорее. В 1992 г. в недрах МИД России была рождена формула “два плюс альфа”, согласно которой Японии безотлагательно передавались острова Малой Курильской гряды – Хабомаи и Шикотан, а по поводу самых крупных островов Курильского архипелага – Кунашира и Итурупа – предлагалось вести переговоры⁵¹. Только развернувшееся в России широкое движение протеста против ничем не обоснованных территориальных уступок Японии заставило российское руководство отказаться от неприглядной сделки вокруг Курил.

В преддверии президентских выборов 1996 г. тогдашнее российское руководство, обеспокоенное неблагоприятным для себя ростом общественного недовольства уступчивой, не считавшейся с историческими традициями внешней политикой страны, пошло на замену главы внешнеполитического ведомства. Новым министром иностранных дел России был назначен Е.М. Примаков – видный советский и российский политический деятель, не скрывавший своей приверженности государственному подходу к вопросам внешней политики. При Примакове, чей приход в МИД приветствовался большинством российских дипломатов, начали выправляться прозападный крен внешнеполитического курса, возрождаться тенденция к проведению самостоятельной линии в международных делах. Весьма значимым событием для внешней политики России стало возвращение в теорию и практику российской дипломатии имени А.М. Горчакова, который, к слову, не пользовался расположением и советских властей. В выступлениях Примаков подчеркивал, что Горчаков, считавший приоритетом внешней политики России защиту

⁵⁰ *Примаков Е.М.* Минное поле политики. М., 2006, с. 157–158.

⁵¹ *Кошкин А.А.* Россия и Япония: узлы противоречий. М., 2010, с. 370–371.

ее национальных интересов, активно выступал за то, чтобы делать “упор на внутренние преобразования, без которых, как показало поражение в Крымской войне, у России нет будущего”. Без упоминания Горчакова не обходилась и полемика Примакова со сторонниками сближения с “цивилизованным Западом”, когда министр отмечал, что во внешней политике необходимо “стремиться найти такие решения, которые, с одной стороны, обеспечивают жизненно важные для нас интересы и, с другой – не приводят к соскальзыванию на путь конфронтации”⁵². Однако у руля внешней политики России Примаков оставался недолго: в сентябре 1998 г. его бросили “спасать Россию” после дефолта в качестве премьер-министра, а в мае 1999 г. и вовсе отправили в отставку. Заметим, что незадолго до этого, 25 марта 1999 г., начались натовские бомбардировки Югославии, которыми Запад, не посчитавшись с мнением российского руководства, бесцеремонно указал России на отводимое ей место в мире.

К концу ельцинского президентства только наивные или ангажированные политики в России продолжали говорить, что противостояние Советского Союза и Запада было продиктовано преимущественно идеологическими мотивами. “Красная угроза” исчезла, но характер политики США и их союзников по НАТО в отношении России мало чем отличался от соответствующего поведения европейских держав в XIX в. Были серьезно поколеблены позиции сторонников тезиса о том, что стоит нам осудить и отказаться от “проклятого советского прошлого”, как нам тут же распахнет объятия “семья цивилизованных народов”. В своей инаугурационной речи в мае 2000 г. новый президент России В.В. Путин счел необходимым особо подчеркнуть значение исторической памяти для народов России. Он отметил, что «у нас нет права быть “иванами не помнящими родства”, мы должны знать свою историю, знать ее такой, какая она есть, извлекать из нее уроки, всегда помнить о тех, кто создал Российское государство, отстаивал его достоинство, делал его великим, мощным, могучим государством». Путин призвал сохранить “эту память и эту связь времен” и передать потомкам “все лучшее из нашей истории”⁵³. Постепенно, не без ошибок, внешнеполитический курс России стал все больше опираться на трезвую оценку своих возможностей и складывающихся в мире реалий, демонстрируя стремление ориентироваться на вековые традиции самостоятельной внешней политики. Такое мнение, имевшее широкое хождение и в МИД России, было подкреплено известной мюнхенской речью В.В. Путина в феврале 2007 г., встреченной в штыки на Западе. Путин, в частности, заявил, что “Россия – страна с более чем тысячелетней историей, и практически всегда она пользовалась привилегией проводить независимую внешнюю политику. Мы не собираемся изменять этой традиции сегодня”⁵⁴.

Недвусмысленные высказывания Путина дали толчок усилиям МИД России по возвращению в активную политику вслед за “реабилитацией” Горчакова имени выдающегося советского дипломата Громыко. Отстраненный от участия в принятии решений в области внешней политики вскоре после начала горбачевской “перестройки”, Громыко с его значимым вкладом в развитие отечественной дипломатии не слишком котиrowался и в период президентства Ельцина. В МИД России такое положение рассматривали как ненормальное, тем более что с деятельностью Громыко были связаны самые крупные внешнеполитические достижения страны в 60–70-х годах минувшего столетия. Важным событием общероссийского масштаба стало празднование 100-летия со дня рождения А.А. Громыко, которое в 2009 г. приобрело заметное звучание. Помимо торжественных мероприятий, показа документальных фильмов по центральному телевидению вышло несколько книг, посвященных жизни и деятельности Громыко. Наиболее значительным изданием явился выпущенный к юбилею сборник воспоминаний о Громыко, подготов-

⁵² Россия в мировой политике. Горчаковская лекция министра иностранных дел России академика Е.М. Примакова. – Канцлер А.М. Горчаков, с. 9–16.

⁵³ Выступление В.В. Путина на церемонии вступления в должность Президента РФ. Москва, 7 мая 2000. – Российская газета, 11.V.2000.

⁵⁴ Выступление Президента России В.В. Путина на Конференции по вопросам политики и безопасности. Мюнхен, 10 февраля 2007. – Российская газета. 12.II.2007.

ленный с участием известных отечественных дипломатов. В предисловии к сборнику министр иностранных дел России С.В. Лавров отмечал, что, чем дальше отодвигается период “холодной войны”, тем “отчетливее становится политическая философия А.А. Громыко, заключающаяся в том, чтобы твердо отстаивать интересы своей страны... Но, что не менее важно, он добивался последовательно, шаг за шагом, укрепления международных позиций Советского Союза, избегая ненужной конфронтации и не ставя крайних, конечных целей на уровне практической дипломатии, которая при нем оставалась искусством возможного”⁵⁵.

В мае 2009 г. Президентом Д.А. Медведевым была создана Комиссия по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. Одним из первых практических шагов комиссии стал выпуск на базе МГИМО(У) МИД РФ сборника материалов со статьями российских государственных деятелей, ученых, историков и рассекреченными материалами разведки, в которых давался отпор тем, кто искажает события периода предшествовавшего Второй мировой войне. В обращении к читателям сборника Медведев подчеркивал, что “мы должны знать уроки войны и жестко реагировать на любые попытки исказить историю: обогатить истинных героев и обелить преступников”. В свою очередь, Лавров отмечал, что «срежиссированная кампания по навязыванию нашему государству некой “исторической вины” является частью более широкого замысла воспроизведения политики “сдерживания” России уже в новых условиях»⁵⁶. Вместе с тем одновременно увидела свет вызвавшая бурную реакцию двухтомная “История России. XX век” (М., 2009) под редакцией профессора МГИМО А.Б. Зубова, в которой, в частности, Великая Отечественная война трактовалась как “советско-нацистская” (один из разделов так и озаглавлен – “Советско-нацистская война 1941–1945 гг. и Россия” – словно России она прямо не касалась). Этот объемистый труд, отражавший антисоветские взгляды авторов и содержавший небезупречные с точки зрения исторической обоснованности оценки, можно было бы обойти молчанием (в конце концов, высказанные в нем идеи далеко не новы), если бы не два обстоятельства. Во-первых, в отличие от фундаментальных работ российских историков указанный двухтомник получил восторженные отклики на Западе (известный американский политолог Р. Пайпс, к примеру, назвал его “замечательным” и призвал к переводу и изданию книги на английском языке⁵⁷), и, во-вторых, отдельные представители российского политического сообщества высказались за присуждением ему Государственной премии.

Сохраняющиеся противоположные суждения относительно недавнего прошлого проявляются и в подходах различных категорий политических кругов страны к характеру внешней политики России. Часть из них выступает за то, чтобы в очередной раз начать кампанию по “детоталитаризации” страны, которая должна, по замыслу ее инициаторов, способствовать среди прочего укреплению международного престижа страны. Об этом, в частности, говорится в предложениях об учреждении общенациональной государственно-общественной программы “Об увековечении памяти жертв тоталитарного режима и о национальном примирении”, переданных 1 февраля 2011 г. Д.А. Медведеву Советом при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека⁵⁸. В предложениях утверждалось, что “полное признание российской катастрофы XX века, жертв и последствий тоталитарного режима”, виновного, по мнению авторов, и в геноциде, является “одним из важнейших путей преодоления взаимного отчуждения народа и элиты” (такое противопоставление говорит само за себя). В документе отмечалось, что “вся Европа была жертвой, вся Европа виновна в трагедиях XX века – в двух мировых войнах, в двух тоталитаризмах, в тяжелейшем, не преодоленном до

⁵⁵ “Лучше десять лет переговоров, чем один день войны”. Воспоминания об Андрее Андреевиче Громыко. М., 2009, с. 5.

⁵⁶ “Завтра может быть уже поздно...”. – Вестник МГИМО – Университета. Специальный выпуск к 70-летию начала Второй мировой войны. М., 2009, с. 4, 17.

⁵⁷ A History of 20th Century – Russia, Warts and All. – The New York Times, 24.XI.2009.

⁵⁸ http://www.president-sovet.ru/structure/group_5/materials/the_program_historical_memory.php

конца расколе”. Обратило на себя внимание, что некоторые положения предложений Совета по правам человека удивительным образом перекликались с содержанием упомянутой резолюции Парламентской ассамблеи ОБСЕ от 3 июля 2009 г., приравнявшей сталинизм к нацизму и наложившей тем самым и на СССР ответственность за развязывание Второй мировой войны.

Наряду с настойчивыми попытками влиятельных политических сил в стране начать третью волну “десталинизации”, проникнутую идеей о добровольном покаянии за 70 лет советской власти, активизировались сторонники односторонней ориентации России на Европу. В условиях стагнации экономического развития страны и падения ее конкурентоспособности помыслы современных евроцентристов поглощены подтягиванием “спасательного круга” в виде Западной Европы (особые надежды возлагаются на имеющиеся там высокие технологии и создание единого энергокомплекса). Под “европейскую мечту” подспудно подводится и политическое обоснование – угроза для России в лице быстро растущего соседнего Китая и усиление в международной политике исламского фактора. Заметим, что в истории России уже были весьма непростые периоды, и автор попытался на это указать, когда интересы страны подгонялись под цели политики иных стран. И, наоборот, – укрепление российской государственности всегда сопровождалось проведением национальной политики, учитывающей присущую России специфику. Тот же П.А. Столыпин, столь почитаемый ныне в стране, говоря о целесообразности постройки Амурской железной дороги, доказывал в 1908 г. евроцентристам из тогдашней думы: “Наш орел, наследие Византии, – орел двуглавый. Конечно, сильны и могущественны и одноглавые орлы, но, отсекая нашему русскому орлу одну голову, обращенную на восток, вы не превратите его в одноглавого орла, вы заставите его только истечь кровью”⁵⁹.

* * *

Несмотря на процессы глобализации, в мире не происходит ничего, что указывало бы на отказ от устоявшихся законов международных отношений. Та же борьба за экономическое превосходство, те же геополитические амбиции отдельных государств, оправдываемые их национальными интересами. Повсеместно, включая “старую” Европу, наблюдается рост националистических настроений, имеющих значительную историческую подоплеку. Стремительно взобравшийся на вершину мировой политики Китай тщательно шлифует свое непростое прошлое, превращая его в важный элемент внутренней сосредоточенности и инструмент внешней политики. Соединенные Штаты Америки, прошедшие через геноцид коренного населения и гражданскую войну, настойчиво продвигают свою историческую модель в качестве оплота демократии и прав человека. Малые страны, ревниво относящиеся к соблюдению своих интересов, ищут и находят в прошлом события, что служат укреплению национального самосознания. Трудно где-либо, кроме России, найти политиков, которые пытаются убедить себя и других, что “придание анафеме” части истории собственной страны способно стать фундаментом для подъема общества и страны.

Можно себе представить, что творится в головах вступивших на дипломатическую стезю выпускников российских вузов, когда, с одной стороны, им говорится о необходимости использования опыта отечественной дипломатии, а с другой – назойливо внушается мысль об ответственности прежних поколений за нынешние беды России. Пройденный страной путь показывает, что обращаться с ее историческим наследием надо крайне осторожно. Попытки внести сумятицу в скрепляющую общество коллективную историческую память, прежде всего о Великой Отечественной войне, лишают народ патриотического потенциала, порождают чувство неполноценности. Не понимать этого – значит не видеть, что подобная практика чувствительно бьет как по международным позициям России, так и по самой российской власти.

⁵⁹ *Столыпин П.А.* Нам нужна Великая Россия... Полное собрание речей в государственной думе и Государственном совете. 1906–1911. М., 1991, с. 129.